

**ИНВЕКТИВНАЯ ЛЕКСИКА В ПРОИЗВЕДЕНИИ
Т. ГАЛИУЛЛИНА «ТӘУБӘ» (ПОКАЯНИЕ)**

Д.К. Вахитова

*Кандидат филологических наук,
доцент кафедры «Иностранные языки»
e-mail: dilik15@yandex.ru*

Казанский государственный архитектурно-строительный университет

Наряду с бытовым дискурсом художественная литература является одной из основных сфер функционирования инвективной лексики татарского языка, что подтверждает обширность области ее использования. В данном исследовании подробно анализируются инвективные формулы, использованные в произведении выдающегося татарского писателя Т. Галиуллина «Тәүбә» (Покаяние). Комплексный анализ семантических особенностей инвективных средств позволил выделить их основные цели в работе писателя. Автор включает инвективные средства в речь героев с целью привлечения внимания общества к проблеме, поднимаемой в романе, а также к описываемым реалиям. Выделяются основные тематические группы инвективной лексики и фразеологии для составления шкалы человеческих пороков и недостатков, наиболее осуждаемых как в данном художественном произведении, так и в лингвокультуре татарского народа в целом. Указываются ключевые стилистические функции инвективной лексики в романе, в частности раскрываются функции эпитета и метафоры. Дополнительно выделяется междометная функция инвективы.

Ключевые слова: *инвективная лексика, метафора, заимствование, татарский язык, эпитет, лингвокультура.*

Возрастающий интерес к исследованию инвективной лексики и фразеологии обусловлен тем, что данный лексический пласт языка является вербальным средством выражения критического отношения к инвектуму, которое может быть детерминировано его поведением, характером, образом жизни и т.д. Наряду с личностным выделяется социальный фактор, который также способствует привлечению внимания к данному слою языка и раскрытию сущности инвективного словоупотребления. Несмотря на то, что наиболее обширным ареалом функционирования инвективной лексики является устная речь, со временем область ее применения расширилась и распространилась также в другие сферы языковой коммуникации, включая художественный стиль письменного языка. Несомненно, это является отражением социокультурных изменений в обществе.

Инвективная лексика и фразеология активно применяются представителями всех культур, потому что любой человек, независимо от национальности имеет потребность в вербализации чувства антипатии и

отношения к коммуниканту, в данном случае отрицательного. Следовательно, можно говорить о факте существования инвективных средств во всех языках, включая татарский язык.

Проблеме изучения инвективной лексики посвящены научные труды из разных областей знания, к примеру, лингвокультурологии, психологии, юриспруденции, социологии и др. С позиции лингвистики и ее отраслей инвектива является предметом внимания таких российских и зарубежных ученых, как В.И. Жельвис [Жельвис 1990], Ю.А. Бельчиков [Бельчиков 2002], В.Н. Носова [Носова 2011], А.Ю. Позолотин [Позолотин 2005], В.И. Карасик [Карасик 2002], В.В. Химик [Химик 2000], T. Jay [Jay 2000], R. Sommer [Sommer 2011] и др.

Историография исследования инвективной лексики в татарском языкознании не является обширной, вследствие чего данную проблему следует считать малоизученной. Среди исследований эмотивной лексики выделяются работы Г.Р. Галиуллиной [Галиуллина 2018], А.Г. Файзуллиной [Файзуллина 2009], А.К. Гизатуллиной [Гизатуллина 2001], Н.Ф. Галиевой [Галиева 2016] и др.

Ученые лингвисты рассматривают инвективную лексику с разных позиций. Так, В.И. Жельвис полагает, что «в широком смысле инвектива определяется как любое вербальное проявление агрессивности или стилистически сниженной экспрессивности, оценочности, усилительности, эмотивности и эзотеричности по направлению к участнику коммуникативного акта, включая самого себя (при физическом присутствии или отсутствии других), к ситуации, теме, предмету и процессу социально-речевого общения, вербальное проявление, осуществляемое посредством как литературной, так и просторечной лексики и фразеологии, а в узком смысле – как нарушение этнокультурного социально-этического табу употреблением только субстандартных лексических единиц различной степени этико-стилистической сниженности» [Жельвис 1990: 7]. Следовательно, инвектива рассматривается в данном определении с учетом различных ее аспектов. На наш взгляд, указанное определение является одним из наиболее фундаментальных с позиции как лингвистики, так и психологии.

Использование инвективной лексики прослеживалось практически во всех сферах речевого общения на протяжении многих исторических эпох и во всех культурах. Инвективная лексика также является неотъемлемой частью татарского языка и культуры с давних времен и обладает определенными качественными характеристиками и обширным составом. В татарской художественной литературе наблюдается ее частое и яркое проявление как отражение настоящего народного языка. Однако специфика функционирования, семантические особенности, а также частотность тех или иных инвективных средств может варьироваться по отношению к историческому периоду, в котором

написано произведение, общественно-политической мысли, социальной ситуации в обществе, а также в зависимости от проблем и тем, которые автор раскрывает в своей работе.

Творчество писателя Талгата Галиуллина занимает особое место в татарской литературе XX столетия. Его творческая деятельность является важной вехой в истории национальной литературы. В данном исследовании подвергается анализу функционирование инвективной лексики и фразеологии в романе «Тәүбә» (Покаяние). Инвективная лексика является одним из ведущих средств, способствующих раскрытию основных проблем, поднимаемых в произведении: расслоение общества постсоветского времени, аморальность криминального мира.

Писатель отводит человеку центральную роль в инвективном речевом взаимодействии, где раскрываются его отрицательные черты характера, поступки, отношения с другими коммуникантами и др. Таким образом, основной функцией инвективной лексики в романе является эмотивная, т.е. выражение непосредственной человеческой эмоции – удивления, возмущения, восхищения, неудовольствия: *Матуррак сөйләш, Саша, син бит хәрби-сәясәти эфисәр, шайтан алгыры. 'Саша, ты же военно-политический офицер, разговаривай получше, чёрт возьми'* [Галиуллин 1997: 61] (*перевод здесь и далее наш. - Д.В.*).

Анализ инвективных средств, использованных в речи героев произведения, позволил выделить несколько тематических групп с отрицательной коннотацией:

- 1) инвективные средства, направленные на негативную оценку профессии человека;
- 2) инвективные средства, направленные на осуждение человека за принадлежность к определенным социально непривлекательным группам;
- 3) инвективные средства, используемые для осуждения человека за принадлежность к какой-либо национальности;
- 4) инвективные средства, используемые для осуждения человека по возрастному критерию;
- 5) инвективные средства, используемые для осуждения человека по гендерному критерию;
- 6) зоосравнения.

В основу указанных тематических групп легли понятийные сферы, выделенные в исследованиях А.Ю. Позолотина, В.И. Жельвиса с учётом особенностей, существующих в татарском языке.

Профессиональные инвективы составляют незначительную группу. Так, был выявлен случай использования инвективного обозначения полицейских – *бәдбәхет мент* 'проклятый мент': *Эзләп табармын мин сине, бәдбәхет мент. 'Отыщу я тебя, проклятый мент'* [Галиуллин 1997: 178]. Указанное инвективное обозначение является заимствованием из

русского языка. Согласно точке зрения татарского лингвиста Э.М. Ахунзянова, «к сниженной лексике по сравнению с нейтральной обычно относят большой процент слов, относящихся к стилю разговорной речи, который содержит значительное количество русских заимствований, проникающих, главным образом, устным путём в процессе непосредственного общения татар с русскими» [Ахунзянов 1978: 135]. Отметим, что в произведении прослеживается активное использование заимствований из русского языка, в частности лексика, которая относится к жаргону тюремных заключенных. Такого рода заимствования функционируют прежде всего для более убедительного отражения ситуации и проблем в постсоветском обществе. В произведении Т. Галиуллин описывает постсоветскую эпоху как период процветания преступности, вседозволенности, безнаказанности, что выражается при помощи инвективных формул: *Сволочьлар!* ‘Сволочи!’, *Бу подоноклар безнең яңа адресны белергә тиеш түгелләр.* ‘Эти подонки не должны знать наш новый адрес’, *Хужага – паханга ошарга тырыш.* ‘Постарайся понравиться хозяину – пахану’, *Син, нәрсә, падла!* ‘Ты чего, падла!’ [Галиуллин 1997: 48, 56, 82]. Соответственно, инвективная лексика является одним из ключевых средств выражения отношения как представителей криминального мира к миру закона и порядка, так и наоборот.

В романе инвективный материал может способствовать острой критике определенного героя, а также проявлению вербальной агрессии относительно людей, принадлежащих социально непривлекательным группам. Многочисленные примеры указывают на то, что в произведении инвективная лексика используется с целью осуждения и резкой критики персонажей, принадлежащих определенному социальному слою или группе. К социально непривлекательным группам мы относим хулиганов, воров, бандитов, мошенников и т.д., которые характеризуются асоциальным поведением, вызывающим крайне негативную оценку: *Бастилияне алганмы аллә минем башкисәрләр?* ‘Мои головорезы, что, Бастилию взяли?’ [Галиуллин 1997: 188].

В татарском языке присутствуют инвективные номинации людей определённых возрастных категорий. Инвективы, характеризующие молодое поколение, применимы главным образом к представителям мужского пола, следовательно, отсутствие жизненного опыта осуждается в татарской культуре у юношей. Кроме того, в романе были выявлены случаи использования инвективной лексики по отношению к молодым людям, что подтверждает указанную точку зрения: *Әхмәдиша карт, имансызлардан куркып, куштанланып елмайса да, юеш борынлы малайларны кешегә санамый.* ‘Старик Ахмадиша, боится бессовестных, и

несмотря на то, что подхалимисто улыбается, сопляков (букв. мальчишек с мокрыми носами) за людей не считает' [Галиуллин 1997: 76]. Обращает на себя внимание отсутствие инвективных лексических средств, обозначающих детей. Следовательно, татарская культура менее критично относится к детям, нежели к взрослым.

Группа инвектив, характеризующая человека по национальному признаку, не является обширной. Был выявлен только один пример использования заимствования, обозначающего пренебрежительное отношение к представителям украинской нации: *Исем китте синең урамда исерек килеш тапкан себерке хохлушкаңа!* 'Я не удивляюсь твоей распутной хохлушке, которую ты спяну нашёл на улице!' [Галиуллин 1997: 149]. Согласно точке зрения А.Ю. Позолотина, возникновение национальных инвектив связано с социальной природой человека, так как человек с детства идентифицирует себя с определённым социумом, поэтому он легко может отличить представителей своего и чужого социума [Позолотин 2005]. Как правило, к представителям чужого социума может вырабатываться отрицательное, а иногда и враждебное отношение. Таким образом, инвективные средства, используемые в произведении для унижения достоинства человека по принадлежности к какой-либо национальности, придают дополнительную экспрессивность и эмоциональность высказыванию.

Татарская художественная литература отличается значительным количеством случаев употребления проклятий как формы выражения крайнего негодования. Речь героев данного драматического произведения также насыщена ими: *Чәнчелеп китсен!* (букв. Чтоб вонзился!) 'Чтоб сдох!' [Галиуллин 1997: 119] и др. Ряд проклятий применяется в функции междометия: *Матуррак сөйләш, Саша, син бит хәрби-саяси эфисэр, шайтан алгыры.* 'Саша, ты же военно-политический офицер, разговаривай получше, чёрт возьми (букв. чтоб шайтан забрал)' [Галиуллин 1997: 61].

Инвективы, относящиеся к гендерной тематической группе, составляют достаточно обширную группу. Рассмотрим инвективные характеристики женщин в произведении. С точки зрения татарского социума острой критике подвергаются не только отрицательные черты характера, но также прежде всего безнравственное, аморальное поведение. В.И. Жельвис полагает, что в большинстве культур распутность подвергается моральному осуждению, следовательно представляет собой источник табу и их нарушений. Этим детерминировано появление значительного числа инвектив [Жельвис 2001: 276]. В татарском языке также насчитывается большое количество инвективных средств, используемых для осуждения такого рода безнравственности.

Данный порок подвергается осуждению в наибольшей степени, о чем свидетельствует существование значительного набора инвективных лексико-фразеологических средств. В произведении писатель прибегает к использованию инвективных метафор, в частности *себерке* ‘метла’ для негативной характеристики распутной женщины: *Исебез китә бик урам себеркесенә. Кара син аны, кәнтәйне, ни кылынган була* ‘Видали мы таких уличных девок (букв. уличная метла). Посмотрите на эту блудницу, что вытворяет’ [Галиуллин 1997: 31]. Наряду с распутством осуждению подвергается и легкомысленность. Анализ инвективной лексики в художественном произведении показал, что данное качество осуждается преимущественно у женщин. Для критики легкомысленной женщины употребляется обозначение *жылбазак* (букв. ветреная) ‘легкомысленная’: *Ул хатынының йөрәгенә юл таба алмады, әллә Нураниясе нурсыз, жылбазак бер намәстәкәй булып чыктымы?* ‘Он не смог найти ключ к сердцу своей жены, может из-за того, что Нурания оказалась заурядной, ветреной особой?’ [Галиуллин 1997: 89]. Отметим, что автор использует вместе с инвективным эпитетом интенсификатор *намәстәкәй* ‘нечто, предмет’ по отношению к людям. Таким образом, данный интенсификатор низводит статус человека, что приводит к усилению стилистически сниженной экспрессивности высказывания.

В ходе анализа было выявлено, что широкий спектр инвективных единиц, представленных в романе, выполняет различные стилистические функции. Часто Т. Галиуллин прибегает к использованию инвективных единиц в функции метафоры и эпитета. Наиболее употребительными в данной функции являются такие эпитеты, как *оятсыз* ‘бессовестный’, *хәшәрәт* ‘мерзкий’, *жүләр* ‘бестолковый, непутевый’, *тиле* ‘глупец’ и др.: *...серен белгәч, кызартырлар йөзеңне, “жүләр” бу дип ачырмаслар күзеңне.* ‘... как узнают твою тайну, заставят тебя покраснеть, скажут тебе “дурень”, и ты не сможешь даже глаза открыть’; *Син, хәшәрәт, Зөлфиягә эмсенеп йөрисеңме?* ‘Ты, что, мерзость, на Зульфию рассчитываешь?’; *Күзләре ахмак булса, башкасының әһәмияте юк.* ‘Если у него бестолковые глаза, то остальное и неважно’ [Галиуллин 1997: 42, 119, 153].

Среди стилистических функций, реализуемых инвективами в художественном тексте, следует выделить метафоры. В данном случае метафора представляет собой употребление слов и выражений на основе сходства или аналогии с какими-либо объектами, обладающими негативной коннотацией. Метафора служит основным источником пополнения инвективной лексики, т.к. содержит образность и оценочность в своей структуре. Ввиду того, что отрицательная образность приписывается тем или иным объектам с точки зрения татарской

лингвокультуры, мы можем говорить о том, что инвективные метафоры обусловлены влиянием особенностей менталитета татарского народа, следовательно, обладают четко очерченным национально-специфическим характером. Например, в романе Т. Галиуллина лексема *боламык* (букв. мучная болтушка) ‘слюнтяй’ в предложении *Син нәрсә боламык, шул җилкенчәк сиңа төрттерә, сүз җәбен үзе теләгәнчә урә*. ‘Ты чего слюнтяй (букв. мучная болтушка), этот юнец отпускает колкости в твой адрес, нить разговора вьёт так, как ему хочется’ [Галиуллин 1997: 41] обладает отрицательной коннотацией, однако в русском языке данное слово не обладает каким-либо отрицательным значением, что подчёркивает ярко выраженную национально-культурную обусловленность.

В татарской инвектологии прослеживается значительное количество метафор, содержащих названия животных и птиц. Отечественный исследователь А.С. Маслов справедливо отмечает, что «зоометафоры прочно вошли в языковую культуру этносов как часть сверхобщности, в которой аккумулированы представления народа о системе ценностей» [Маслов 2014]. Метафоры с компонентом-зоонимом отличаются особой яркостью образа и выразительностью, которые являются ключевыми аспектами при описании внешности, поведенческих характеристик, образа жизни и способностей человека. Ученые из Калифорнийского университета США Роберт и Барбара Соммер в своем исследовании также отмечают, что «потребность человека в метафорическом выражении находит свое наибольшее исполнение в обращении к животному миру» [Sommer 2011: 237]. Инвективные метафоры, в состав которых входят зоонимы, занимают особое место в произведении. Метафорический перенос осуществляется на основе идеи, что некоторые характеристики животных имеют аналогию с особенностями характера человека и его поведением. Инвективная метафора предполагает наличие отрицательно оцениваемых качеств у инвектума. Такого рода метафоры активно используются Т. Галиуллиным для выражения негативного отношения к объекту речи: *Эттән яралганнар. Җирәнгеч, тузбаиш еланнар, үләт шакаллары!* ‘Рожденные от собаки! Мерзкие ужи, моровые шакалы!’ *Яраткан, яшь хатыныңны акчага әйләндерергә риза булыр идеңме әллә? Җир корты!* ‘Ты бы смог променять свою любимую, молодую жену на деньги? Земляной червь!’; *Усал әнчек кебек бәйләнеп кенә тора.* ‘Привязалась, как злая шавка’ [Галиуллин 1997: 163, 214]. Таким образом, инвективное сравнение человека и животного способствует приданию художественному тексту дополнительной наглядности, экспрессивности и эмоциональности.

В речи героев прослеживается упоминание сил зла: *шайтан* ‘шайтан, дьявол’, *пәри* ‘чёрт’, *убыр* ‘упырь’ и др. С указанными силами зла часто соединяется адресат: *шайтан кыз* ‘девушка – чёрт’ и др. *Билчән кебек ябышты, төшләренә кереп бимазалады, саташтырды, тилертте шайтан кыз!* ‘Прилипла как осот, тревожила его во снах, сбила его с толку, свела его с ума, чертовка (букв. девушка-чёрт)’ *Гүзәлләр бәйгесендә җиңүчеләр синең белән чагыштырганда мунча пәриләре*. ‘Победители конкурса красоты банные черти по сравнению с тобой’ [Галиуллин 1997: 96, 118]. Отметим, что инвективное выражение *мунча пәрие* (букв. банный чёрт) используется в татарской культуре для обозначения некрасивой, неприглядной женщины.

Следует также подчеркнуть особую активность заимствования из русского языка *чёрт* в произведении. Основной функцией использования данного слова в романе является междометная, следовательно, не ориентированная на конкретного адресата: *Ни чуртыма соң әле мин шундый чибәр хатынга бәйләнеп ятам*. ‘На кой чёрт я привязался к такой красивой женщине’ [Галиуллин 1997: 179] и др. Инвективы в указанной функции употребляются в речи героев не с целью оскорбления оппонента. Оппонента может вообще не быть, и инвектива в таком случае превращается в обычное эмоциональное восклицание. В большинстве случаев писатели активно используют заимствования из различных языков (в нашем случае – из русского языка) для придания особого накала сцене, ее выделения среди других событий. Эпизод является настолько экспрессивным, что от переизбытка давления эмоций литературному герою тяжело подобрать соответствующие слова на своем родном языке, и заимствования срываются из его уст непреднамеренно. Отметим, что включение заимствований в высказывания героев приближает их речь к разговорной.

В ходе анализа был выявлен ряд тематических групп инвективных средств, которые автор Т. Галиуллин использует в речи своих героев в романе «Тәүбә» (Покаяние). Данные тематические группы позволили выделить те человеческие пороки и недостатки, которые наибольшим образом подвергаются острой критике и осуждению как в художественном произведении, так и в татарской этнокультуре в целом. Проанализировав состав основных тематических групп татарской инвективной лексики и фразеологии в произведении, мы пришли к заключению, что наиболее обширной тематической группой являются сравнения человека с животными, что свидетельствует о том, что, ввиду своего традиционного воспитания, татарский народ таким образом избегает активного употребления обценной лексики в конфликтной речевой коммуникации.

Каждая тематическая группа выделяет национально-культурные модели, отражает отношение татарского народа к тем или иным аспектам жизни человека как единицы общества.

На наш взгляд, выбор и частотность употребления инвективной лексики и фразеологии обусловлены прежде всего тематикой произведения, а также социальным статусом, эмоциональным состоянием героев романа. Рассмотренные инвективные формулы способствуют более полному и глубокому раскрытию характера и образа каждого из героев, придают естественность их речи и коммуникации в целом, отражают соответствующую историческую эпоху, а также выражают настоящие человеческие чувства и эмоции. Функционирование инвективной лексики носит детерминированный характер, выражающийся в подчинении требованиям жанра и контекста, эстетики и выразительности в художественном тексте. Следует подчеркнуть, что инвективная лексика была выявлена только в речи героев литературного произведения, в речи автора использование инвектив не установлено. Кроме того, анализ инвективной лексики в романе Т. Галиуллина «Тәүбә» (Покаяние) свидетельствует о наличии определённой этнокультурной информации о татарском народе, которая отражает как социально-исторический контекст, так и духовные особенности татар.

Библиографический список

Ахунзянов Э.М. Двужычие и лексико-семантическая интерференция. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1978. 189 с.

Бельчиков Ю.А. Инвективная лексика в контексте некоторых тенденций в современной русской речевой коммуникации // Филологические науки. 2002. №4. С. 66–74.

Галиева Н.Ф. Языковые способы выражения эмоциональности в современной татарской прозе: автореф. ... дис. канд. филол. наук. Казань, 2016. 22 с.

Галиуллина Г.Р. Сленговая лексика в современном татарском языке // Языковые контакты народов Поволжья и Урала: сб. ст. XI Международного симпозиума (Чебоксары, 21–24 мая 2018г.). Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2018. 352 с.

Гизатуллина А.К. Эмотивные предложения с сокращенной синтаксической структурой (в татарском и французском языках): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2001. 26 с.

Жельвис В.И. Эмотивный аспект речи. Психолингвистическая интерпретация речевого воздействия. Ярославль: ЯПГИ им. К.Д. Ушинского, 1990. 81 с.

Жельвис В.И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. М.: Ладомир, 2001. 349 с.

Карасик В.И. Язык социального статуса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. 333 с.

Маслов А.С. Использование комплексного подхода при исследовании зоометафор-инвектив в современном русском языке // Современные исследования социальных проблем. 2014. № 1. С. 10.

Носова В.Н. Французская инвективная лексика в прагмалингвистическом и коммуникативно-дискурсивном аспектах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2011. 24 с.

Позолотин А.Ю. Инвективные обозначения человека как лингвокультурный феномен: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 19 с.

Русско-татарский словарь актуальной лексики / авт.-сост. Р.Р. Абдуллина и др. Научн. ред. Ф.И. Тагирова, А.А. Тимерханов. Казань: Тат. КН. Изд-во, 2015. 551 с.

Татарско-русский словарь. В 2-х т. Т.1 (А-Л). Казань: Алма-Лит, 2007. 726 с.

Татарско-русский словарь. В 2-х т. Т.2 (М-Я). Казань: Магариф, 2007. 726 с.

Файзуллина А.Г. Инвективы-компози́ты в системно-функциональном аспекте: на материале немецкого, русского и татарского языков: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Чебоксары, 2009. 45 с.

Химик В.В. Поэтика низкого, или просторечие как культурный феномен. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2000. 272 с.

Галиуллин Т.Н. Тәүбә: роман. Казан: Татар. кит. нәшр., 1997. 240 б.

Татар теленең аңлатмалы сүзлеге. Казан: «Матбугат йорты» нәшр., 2005. 848 б.

Jay T. Why we curse: a neuro-psycho-social theory of speech. Philadelphia: John Benjamins, 2000. 328 p.

Sommer R., Sommer B.A. Zoomorphy: Animal Metaphors for Human Personality // *Anthrozoös*. 2011. Vol. 24, no. 3, pp. 237–248.